

АНАСТАСИЯ ПЕТРИЧ

ДОХЛАЯ РЫБА

у меня в бассейне

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Петрич

Дохлая рыба у меня в бассейне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082678

SelfPub; 2019

Аннотация

У 33-летней Ларисы всё пошло наперекосяк, проблемы стали сваливаться одна за другой, но лишь оставшись наедине с собой, она впервые начинает понимать, что всё, что ни делается – всё к лучшему. По крайней мере ей очень хочется верить в это. Это история о том, как унывать и сдаваться, как пытаться начать новую жизнь, но постоянно проваливаться. И только доля здорового юмора по отношению к жизни помогает Ларисе преодолеть трудности. Но это не точно. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Помните “Двадцать четыре часа из жизни женщины”¹ Цвейга? И я не помню. Больше того – я даже не читала её (или его? это роман? или повесть?), но ощущение того, что все происходящее вокруг меня последние дни почему-то мне напомнило это название, которое я встречала не помню где и при каких обстоятельствах. Seriously. Я никогда не читала это произведение при всей своей любви к книгам, но мне кажется, что как-то вроде этого я назвала бы книгу, в которой кто-нибудь бы описал происходившие до недавнего времени со мною события. Это сейчас я сижу на кухне с кружкой кофе с молоком размером с небольшое ведро, смотрю перед собой и понимаю, что завтра я проснусь с ощущением того, что весь день сегодня я провела в тренажерном зале, приседая со штангой. Но это сейчас, а тогда был четверг...

1. Четверг

Все началось с того, что я не защитила кандидатскую диссертацию по юриспруденции. Казалось бы, что такое невероятное фиаско мало с чем может конкурировать по степени позора, унижения и разочарования в самой себе. К этому обычно никто не готов. Неужели есть такие люди, которые идут на защиту диссертации, уверенные в том, что они не защитятся? Уж насколько я пессимист, но мой провал был

¹ Если верить Википедии, то “Двадцать четыре часа из жизни женщины” – это новелла, написанная Стефаном Цвейгом в 1927 году.

неожиданностью для всех, включая моего научного руководителя, который по-отечески старался меня утешить, когда я сидела в коридоре и смотрела в противоположную стену непонятного голубовато-грязного цвета через несколько минут после того, как мне сказали, что я зря работала четыре с лишним года. Конечно, они мне не так все это сказали. Они – это кучка профессоров с опытом работы со студентами, который значительно превышает мой собственный, с опытом работы в судах, прокуратурах и прочих инстанциях. Все это “они” облачили в такую изысканную форму, чтобы, видимо, я не обиделась, поэтому, когда после перечисления всех достоинств моего исследования, последовало “но” – меня словно по голове ударили тяжелым тупым предметом. Честно говоря, эти четыре года я мучилась над диссертацией исключительно из вредности, потому что отчего-то решила, что ученая степень – это именно то, с чего стоит начинать движение с позиции банального юрисконсульта куда-нибудь выше. В сладких фантазиях, граничивших с эротическими, я видела себя судьей и доцентом в своем университете. А потом, может быть, и профессором... Мою фотографию бы повесили среди фотографий остальных преподавателей, которые не просто так приходят почитать в свободное от основной работы время. Кандидат юридических наук, доцент. Ну, потом, естественно, профессор. К тому времени я буду уже солидная дама, возможно наберу пару десятков килограммов... Я бы там была вся отретушированная плохим фотографом, ко-

торый все это сделал либо по дешёвке, либо нашли кого-то с факультета журналистики, кто сделал за “спасибо” и плюсик к карме в деканате. Сейчас же все такие фотографии.

Разбежалась.

Престарелый руководитель, положив свою сухую ладошку мне на плечо, пытался всеми силами найти подходящие слова для того, чтобы самый большой провал моей жизни выглядел так, словно я просто не сдала экзамен с первого раза. Ну какой-нибудь экзамен такой... Логику, например, или зачет по естествознанию. По его лицу было понятно, что он находится в не меньшем шоке от результата нашей совместной деятельности, но, видя, как меня потряхивает, держался молодцом и старался меня поддержать.

– Ларочка, мы на следующий год учтём все замечания и всё сделаем.

Я кивала.

– Не всё так страшно.

Конечно, не страшно! Подумаешь, всего лишь не защитила диссертацию. Пфф, ерунда какая.

– Ага...

Я не плакала. Я вообще никогда не плачу, потому что не вижу в этом никакого смысла. Слезами не решить проблему, а буря, которая внутри меня крушила стены этой проклятой шараги, лишь металась в моей телесной оболочке, которая в свою очередь ютилась в красивом, но немного тесном костюме, лишь слегка выплёскиваясь наружу в виде впивших-

ся в ладони ногтей. На коленях лежал скомканный доклад защиты. Я хрустела костяшками.

– Лара, успокойтесь, а то у вас будут руки, как у Венеры Милосской, – с улыбкой тихо сказал профессор и положил свою руку на мою.

– У Венеры Милосской нет рук! – Вдруг вспомнилось мне, и я на какой-то миг остановилась, вспоминая, как точно выглядит эта статуя.

– Вот. И у вас не будет.

В воздухе витал запах студенчества и изысканного набора тапасов, который я заказала специально для защиты. С хамоном и дыней, с бурратой и вялеными помидорами, с козым сыром и кедровыми орешками, с бри и инжиром. Там ещё много чего, но эти маленькие бутербродики я выбирала с особенным трепетом. И не спрашивайте меня, где я всё это умудрилась раздобыть в товарно-экономической ситуации нашей необъятной в 2017 году. Всё всегда можно найти, не верьте депрессивным нытикам. А вот от моего научного руководителя пахло его возрастом и библиотекой. Как же я не хочу никогда стареть. Не хочу застать себя в том состоянии, когда тело похоже на инжир из бутерброда. Успокаивает, конечно, что к тому возрасту я уже буду слабо что-то видеть да и полового партнёра у меня точно не будет, а если и будет, то у него тоже будет беда со зрением. В любом случае, ах, как не хочется пахнуть библиотекой и быть инжиркой.

Я кивала и благодарила за добрые слова поддержки, а мат-

рос, живущий внутри меня, оперировал совсем другой лексикой. Матрос, кстати, тоже не был готов к провалу, но в отличие от меня имел возможность выразить свои чувства и эмоции более явно.

Вытащив из кармана платок,

(платок меня научил носить папа. Именно живой платочек с кружавчиками и цветочками, а не безликие “клинексы”. Он всегда мне говорил, что выходить без платка нельзя – а вдруг я чихну! Не рукавом же утирать себе все брызговики!)

я стала нервно стирать с губ помаду, которой вообще непонятно зачем нарисовалась на защиту. Нервно, потому что стирать матовую помаду, женщины меня поймут, особенно кропотливый процесс. Может быть, эта гнусная тётка потому и говорила со мной таким тоном, из-за того, что у меня была бордовая помада слишком яркая? Или потому что мне тридцать три, а ей в два раза больше? Вариант, в котором бы чёрным по белому говорилось о том, что у меня проблемы с самым исследованием я не могла допустить, потому что исследование было идеальным. Оно было идеальным настолько, что мне самой было противно от этого. С благоговением я трогала странички переплетенного тома ещё совсем недавно. Я ведь и шла на защиту, как герой, зная, что всё сделано превосходно и, что я не зря четыре года, как литературный раб писала одну за другой статьи в ваковские сборники², что

² Сборники статей всех желающих стать кандидатами и докторами наук, ко-

не зря я приходила сюда, чтобы читать лекции бестолковым первокурсникам-бакалаврам, а оно вон как вышло... Товарищи из диссертационной комиссии слопали то, что я принесла и сказали, что “надо дорабатывать”. А вам жрать меньше надо! Пришли... Сожрали и ушли! А мне теперь с этим грузом всю жизнь жить.

Я смотрела в стену и думала лишь о том, что четыре года пошли коту под хвост, и сил выйти в этот бой в следующем году у меня не будет. Наверное, желания тоже не останется, ведь его и сейчас уже нет. Конечно, есть большая надежда, что в следующем году всё пройдет лучше, так оно зачастую и случается, а есть ещё шанс, что – нет, не пройдет. Всегда лучше рассчитывать на то, что всё будет плохо, тогда любое “хорошо” станет приятной неожиданностью. Точно могу сказать, что я не защитилась лишь потому, что считала, что я всё сделала от и до прекрасно. Нужен был скептический глаз, но его не было ни у меня, ни у руководителя, ни у рецензентов. А вот у оппонентов хватило глаз.

Сушёная ладошка так и лежала у меня на плече, а сам руководитель сочувственно молчал, словно мы только что похоронили наше общее дитя.

– Пойдёмте, Ларочка, выпьем. Вам сейчас полезно. Пойдёмте...

Дедулик аккуратно похлопал несколько раз меня по пле-

чу, встал и довольно бодрым шагом повел меня в направлении своего рабочего места. Я плелась за ним на кафедру, где он из своего скрытого от посторонних глаз мини-бара достал початую бутылку армянского “коньяка”, подношение от кого-то из студентов. Мне вообще интересно, почему студенты дарят постоянно алкоголь? Где же фантазия, воображение! А вдруг преподаватель не пьёт. Или не пьёт такое. Или не пьёт именно этот “коньяк”, который даже не коньяк...

В траурной тишине мы хлопнули по глотку из маленьких чайных кружечек, которые стоят там, наверное, со времён Очакова и покорения Крыма³, с которых слезла золотистая каёмочка, но стараниями лаборантов они сохраняли ещё более-менее приемлемый вид. Я сидела на маленьком диване из кожзама синего цвета с “винтажными” потёртостями на подлокотниках, поджав под себя ноги, туфли, мои красивые дорогие туфли, которые специально выбирала на защиту с куда большим трепетом, чем выбирала туфли на свадьбу, валялись на полу, а мой научный руководитель продолжал строить воздушные замки о следующей попытке и предлагал мне конфетки, как ребенку, чтобы я не расстраивалась. Я положила за щёку одну “Маску”. Я их очень любила в детстве.

³ Если “Двадцать четыре часа из жизни женщины” я не читала, то “Горе от ума” Грибоедова я любила со времен, когда на школьной парте мои менее прилежные соседи выцарапывали непотребные стишки. Действие II, явление 5. Осада Очакова была во время русско-турецкой войны 1735—1739 годов и состоялась в июле 1737 года. А вот “усмирение Крыма” было в 1783 году. Конечно, я выразилась фигурально, но эти кружки там действительно давненько стоят.

Их и “Каракум”. И батончики... У бабушки всегда для меня водились в нижнем шкафу серванта конфеты в жестяной коробочке. Вкус из детства, однако, не принёс ожидаемого эмоционального облегчения. Я просто ещё раз вспомнила о том, что моё детство безвозвратно утеряно, и у меня с ним нет никакой связи, бабушка давно умерла, а родители... Про них вообще лучше не вспоминать.

– Мне ужасно стыдно. Я вас опозорила... – выдавила я из себя, жуя конфету.

– Прекратите! Никого вы не опозорили, Ларочка. Такое случается сплошь и рядом. Это же не конец света! Это – ценный урок.

Я кивала.

Мне не хотелось ничего, кроме как напиться и уснуть лет на десять, а потом проснуться, умыться и начать жить заново. Из университета я ушла медленным шагом, зареклась, что ноги тут моей больше не будет, но дедулику не сказала ничего, чтобы его раньше срока не хватил удар, потому что это не только моё поражение, но и его, ибо вложил он в меня столько времени и сил, а в мою бестолковую голову столько знаний, что, думаю, он тоже пребывает в не меньшем шоке, хотя и старается не подавать виду.

Я села в машину, перед этим выругавшись в воздуха на того, кто поставил свою машину слишком близко к моей, перекинула через плечо пустую бутылку минералки, которая валялась под ногами, написала мужу сообщение которое вкрат-

це сообщало ему, что его жена – дура деревянная. Ответа не последовало, поэтому я поехала домой, строя далеко идущие планы относительно того, как я проведу день до завтра. Завтра в офисе, наверное, будет торт и шампанское, но, чтобы отдел кадров не тратился, я написала и начальнику отдела кадров сообщение, которое по смыслу дублировало предыдущее для мужа, разве что носило более формальный характер. В ответ мне попытались позвонить, но я сбросила звонок и поехала домой. Убиваться и страдать.

Дома я закрылась в спальне и пыталась понять, как мне жить дальше со всем этим. Это был удар по самооценке. Настоящий. Большой. Благоверный, придя домой, участливо старался меня не трогать, давая возможность пострадать вдоволь и насладиться долгоиграющим позором, который я вывалила не только на себя, но и на своего руководителя. Как подумаю, что все узнают на кафедре, узнают студенты... Позор.

Вообще обычно меня одолевают два состояния – постоянное чувство вины и легкое опьянение. Легкое опьянение для того и существует, чтобы хоть как-то регулировать шумовые помехи от бесконечно стучащего молоточка вины. Вины за всё. Не то сказала, не к месту сказала, зачем-то промолчала, не то сделала, то не сделала, не туда пошла, не туда посмотрела, не так посмотрела, не так улыбнулась, вообще улыбнулась или вообще не улыбнулась, выпила бокал вина, не выпила бокал вина, легла спать пораньше, легла спать позже,

встала в шесть утра, встала в десять утра и так далее до бесконечности, потому что в моем арсенале эмоций ярлык виноватости можно было найти для абсолютно всего, что могло так или иначе вызвать мои эмоции или эмоции других людей по отношению ко мне. Чувство вины немного утихло вечером, а утром оно просыпалось вместе со мной и радостно возвещало, что вчера я вела себя постыдно, начиная с того, что зачем-то сама принесла чашку кофе себе и боссу, в то время, как это могла сделать его секретарь (ей всё равно нечего делать, сидит “косынку” гоняет), ибо делать это самой не комильфо, и заканчивая тем, что я зачем-то потратила вечером два часа на просмотр какого-то тупого фильма от Marvel⁴, когда могла скорректировать пару-тройку договоров, которые жарко мне дышат в спину уже который день.

Муж тем временем тихонько что-то делал на кухне, а я лежала лицом в подушку, вытянув руки вдоль тела и пыталась не думать ни о чём. Выходило так себе, потому что выбить из головы мысль о том, что я – ходячий провал, было сложно. Я развернула лицо в сторону зеркала на двери шкафа с одеждой и уставилась на своё отражение лишь одним глазом, потому что второму мешали волны подушки, в которых утонула моя голова.

Мне тридцать три, рост средний, вес ниже среднего, грудь

⁴ Говорят, что надо пояснить, что такое Marvel. Это компания, которая издаёт комиксы. Это упрощённо. На самом деле там так много деталей, кто чей хозяин, и где чья “дочка”, что проще сказать так.

в развитии остановилась в зародышевом состоянии, бедра – там же. Волосы непонятного русого мышиноного цвета, половина из которых растут в направлении, как бог пошлёт, а половина волнятся в самых неожиданных местах. Глаза голубые. Или серые? Может, серые, но хочется верить, что голубые. Так красивее. За спиной высшее юридическое образование, диплом “с отличием” и куча комплексов. Нет, не нужно думать, что я страшилище и синий чулок. Даже с моим уровнем самооценки, который застрял там же, где и грудь с бёдрами, я всё равно вижу, что я вполне себе симпатичная молодая женщина, в определённых областях даже не глупая, проблем с поклонниками у меня никогда не было. Поклонники любили во мне, наверное, то, что я преимущественно молчала, то есть не давала себе шанса опозориться и давала им возможность бесконечно разглагольствовать о том, какие они молодцы. Они вообще все были молодцы. Прямо вот один лучше другого, только почему-то у всех “стервы-жёны”, “всем женщинам нужны от них только деньги”, “дети отнимают много времени”, “как заработать все деньги на свете”. Слушала я это молча, чаще всего на работе, кивала, а потом шла домой к единственному и неповторимому мужу.

А ещё я слушала старый забугорный рок в машине, громко подпевая что-нибудь типа *Smoke on the water, fire in the sky*⁵, жуя огромный бутерброд или хот-дог с куриной сосиской с “газпромовской” заправки, чувствуя себя Дином Вин-

⁵ Нужно вообще жить в пещере, чтобы не знать, что это песня *Deep Purple*

честером⁶. И пусть у меня всего лишь “Тойота”, которая всем своим видом откровенно говорит, что лучшие её годы позади.

Но сейчас в зеркале я видела лишь расплывшуюся массу неопределенно-бледного цвета, чуть более, чем полностью состоящую из гнева, обиды и неприятия. И вины.

Ну зачем я потащилась к нему с этой кружкой? Подумает же ещё, что влюбилась...

2. Пятница

В офисе у самого входа сидела офис-менеджер Алёна и с серьёзным видом перебирала свежую корреспонденцию. Напротив кофе-машины стоял и ждал свой эспрессо начальник производства, задумчиво глядя в узкое длинное окно, выходящее во внутренний двор. В воздухе густо витал запах кофе, принтера, чистящих средств и мужчин разной степени готовности к пребыванию в трудовом коллективе. Такого понятия, как “пятница” или “короткий день” у нас не существовало. Короткий день был тогда, когда была возможность уйти с работы в шесть часов. Пятница тоже далеко не всегда ознаменовывала собой конец рабочей недели. У рабочей недели не было ни последнего, ни крайнего, ни какого-то ещё дня, который мог служить днём для некоторого расслабления.

⁶ Дин Винчестер – персонаж сериала “Сверхъестественное” (“*Supernatural*”), которму не видать конца, как “Санта-Барбаре”.

– Доброе утро, Лариса Андреевна! Вам тут два конверта... – Алёна протянула мне два больших конверта очевидно с какими-то документами. Я посмотрела на адреса, и все встало на свои места.

– Доброе, Алёна. Спасибо. Привет, Виталик.

Начальник Виталик оторвал свой задумчивый взор от какой-то фуры, которая тщетно пыталась выехать из внутреннего двора и улыбнулся мне. Ничего так не привлекает внимание, как рассматривание чьих-то напрасных усилий. Виталику было чуть больше сорока, из-за нервной работы он как-то рановато поседел и обрюзг. На корпоративах Виталик пребывал всегда в таком же меланхолическом состоянии, что и сейчас, наслаждаясь у окна тщетностью чьих-то потуг выволить фуру.

– Привет, Лариса! – он медленно повернул голову в мою сторону. – Тебе уже сказал Виктор, что нам СРО⁷ нужно новое?

– Да помню я, помню... Работаю.

– От меня что-то нужно?

– Пока нет. Если что, я к тебе зайду, потрём.

– Давай. Потрём...

Виталик исчез в направлении выхода со своей кружкой, в которой количество кофе совсем незначительно превыша-

⁷ СРО – саморегулируемая организация, кружок по интересам, где собираются представители различных ремёсел. На самом деле использовать аббревиатуру СРО в таком контексте не совсем правильно, но кому какое дело, правда?

ло количество кубиков сахара, а я поплелась в свой кабинет, бурча себе под нос “потрём... поперетираем...”, где мне предстояло сменить кроссовки на туфли на каблуке. Не ходить же, право, весь день в костюме и кроссовках. Ведь, как шутил мой папенька, умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан. Пудра Dior, хайлайтер MAC, помада Chanel, туфли Jimmy Choo и не защищённая диссертация. И СРО этот ещё... Гори в аду. И кружка с кофе на договоре! Я вылетела из кабинета, на ходу заталкивая ногу в узкую туфлю, и направилась к директору, все еще вталкивая ноги в туфли, расправляя на ходу завернувшийся край пятки, проходя мимо стеллажей заваленных кусками производственной продукции.

– Таня, а Виктор Александрович у нас часом не пришёл?

Танина голова с выпуклыми глазами на впуклом лице вынырнула над поверхностью её высокого стола и испуганно помотала собой, кажется, понимая, что моя интонация не сулит ничего хорошего. Я всегда подозревала, что Таня меня боится, потому что со мной она становилась рыбой, глаза её становились ещё больше, а на любую мою просьбу или вопрос она отвечала крайне односложно, если вообще не ограничивалась только кивками и мотаниями головой. Почему? Ума не приложу.

– Понятно. Скажите ему, пожалуйста, что я заходила, когда он приедет.

Голова Тани закивала. Я поставила его кружку на стол сек-

ретаря, всем своим видом говоря: “Можете вымыть”.

Естественно, он не пришёл. Вы видели много начальников, которые приходят на работу в одно и то же время, что и их подчинённые? Гнев, обида, неприятие и каждый раз одна и та же история – приходишь в свой собственный кабинет, а там посидел директор. Отчего ж он по шкафам ещё не порылся? Или порылся? Старый козёл. Может, ему тут свой стол поставить? Ну а что? Пусть сидит, место найдётся. Правда, придётся сжать себя до состояния гофрированного элемента, но зато можно ставить кружки хоть на все договоры, какие душе угодно. Прямо вместо печати и подписи.

С чашкой кофе я вернулась в свой кабинет. Я планирую на весь день здесь окопаться и не высовывать носа за дверь, потому что придётся отвечать на один и тот же вопрос: “Защитилась?” Нет, не защитилась. Ну, ты держись⁸. Да, нормально всё. А это можно как-то пересдать? Конечно! Какие вопросы! Возьму направление в деканате и пойду пересдам. И начнётся – всем нужно будет рассказать, как работает эта медленная и тяжелая машина, которая за твои заслуги выдаёт тебе учёную степень. Просто БелАЗ образовательной бюрократии. Может, рассылку сделать в “аутлуке”⁹? “Доброе

⁸ Золотой фонд цитат российских политиков. Выражение Дмитрия Анатольевича Медведева “Денег нет, но вы держитесь” точно войдёт в анналы истории, как и нетленное “Хотели как лучше, а получилось, как всегда” в исполнении Виктора Степановича Черномырдина.

⁹ Outlook – и чтец, и жнец, и на дуде игрец от компании Microsoft, которым лично я пользуюсь исключительно для деловой переписки.

утро, я не защитилась, пожалуйста, меня не трогайте.”

В цеху, который находился этажом ниже размеренно что-то стучало. Я включила компьютер, ввела пароль, и рабочий день начался. За все те годы, которые я тут отработала, у меня выработался стойкий защитный рефлекс, который позволял не обращать внимания на это стучание огромного металлического дятла. И не обращать внимания, что окно моего кабинета выходит на внутренний двор цехового здания в форме колодца. Днём свет туда проникал избирательно, зимой я вообще его не видела. Я научилась работать, не мучаясь от постоянного стучания, а крем для рук в огромных количествах заменял мне то, чего не давал необходимый солнечный свет. Иногда, когда я вдруг вспоминала, что за здоровьем нужно же следить, я пила витамины, но чаще всего мне было лень. Моим солнечным светом было мерцание монитора и настольная лампа.

Примерно через час, когда вся женская часть коллектива в лице бухгалтерии и отдела кадров накурилась, выпила свой утренний кофе, ко мне началось паломничество сочувствующих, и мой кабинет погрузился в жуткую вонь, состоящую из запаха сигарет, выпитого кофе и излишнего количества духов. Все считали своим долгом выразить свои соболезнования, кто-то притащил шоколадку (у меня дома уже полный холодильник шоколадок, которые я время от времени раздариваю), начальник отдела кадров, волевая и очень ответственная дама за сорок (насколько “за” – сказать слож-

но), которая вечно сидела на диете и жила по принципу “ничто так не красит женщину, как перекись водорода”, взывала к тому, чтобы я бодрилась и не падала духом, а у меня было только одно желание – выкурить их всех из кабинета, закрыть дверь изнутри, залить герметиком, попросить Алёну опечатать её до понедельника, а перед этим принести мне запас кофе и чайник. И вискаря. О! А за вискарём я знала, куда идти, поэтому, когда в кабинет вошёл директор по маркетингу, я вскочила со своего места, закрыла за ним дверь, заговорчески усадила на стул для тех, кому что-то надо, и, включив в дело все остатки своего обаяния, произнесла с придыханием ему прямо в ухо, опершись сзади на спинку стула:

– Стас, я знаю, у тебя есть “Чивас”.

Стас развернулся ко мне лицом, подозрительно сузил глаза до размера крохотных щёлочек и таким же заговорческим шёпотом ответил:

– Ого, ранний день строителя?

– Так есть или нет?

– Есть, конечно.

– Так и надо отвечать. Неси! – отрезала я и для верности стукнула кулаком по столу, за который уселась.

– А ничего, что ещё десять утра?

– А в Петропавловске-Камчатском, между прочим... – я взглянула на свои наручные часы. – Хорошо, часа в три неси. Заодно пообедаем до этого. Хочешь суши?

– Хочу.

– Вот и договорились. На твоей машине.

– Нет вопросов.

Стас вышел, подмигивая мне. А ведь он заходил зачем-то. Ну, да ладно, надо будет – ещё зайдет. СРО, СРО, СРО... Передвинув квадратик на календаре с четверга на пятницу, я уронила лицо в ладони, на которых тут же лёгким перламутром отпечатался хайлайтер. Что я здесь делаю?

– Лариса! – выкрикнул Стас, ворвавшись, вернулся в мой кабинет.

– Ты дурой меня сделаешь! Чего?

– Забыл. Я же что пришёл. Мне тут договор прислали на новые буклеты. Посмотришь?

– Бумажный договор? Опять буклеты?

– Так столько новых объектов за этот год! Тем более тут семинар зреет. Я тебе на электронку кину.

– А потом, небось, ежедневники, новый год?

– Ты как бухгалтерия, честное слово. Посмотришь?

– Кидай. Посмотрю.

Стас снова попрощался и ушёл. Я снова уронила лицо в ладони.

Я не имею ни малейшего представления, как я вообще оказалась в этой конторе, пахнувшей дешёвым сайдингом, дешёвыми кофейными зёрнами, диванами из кожзама, как у нас на кафедре, в конторе, в которой постоянно стучит что-то из цеха, а из соседней двери доносится что-то вроде “Да, подумаешь, сталюга, плюс-минус километр, никто и не за-

метит разницы”. Если бы бухгалтерия была ближе, то коммерческий отдел осторожнее распорядился производственными возможностями. А если бы это услышал кто-то из руководителей проектов, то... ничего бы не было. Им вообще всё равно. Лишь бы было, что монтировать. А вот генеральный мог за такое навалить, но он появлялся в офисе эпизодично, в коридорах мерцал, как голограмма, курсируя между своим кабинетом и курилкой, появлялся и исчезал внезапно, лещей раздавал тоже неожиданно. Вероятность того, что он услышит рассуждения сметчиков была практически равна нулю. Вообще-то он даже не курил, но в курилке появлялся регулярно, чтобы погреть уши о разговоры подчинённых и невзначай узнать что-нибудь, что по каким-либо причинам не доходило до его сведения. Виктор в целом был достаточно приятным человеком и заинтересованным собеседником, который мог долго слушать и даже понимать, что ему говорят, что для людей его положения и профессии – большая редкость, потому что все остальные в похожем статусе, кого мне приходилось знать, дальше собственного айфона не видели ничего и никого.

Иногда я пытаюсь вспомнить себя в детстве. Нет, актрисой, певицей, врачом или учителем я никогда не хотела быть. И уж тем более экономистом или юристом. Не хотелось и сидеть дома и рожать детей. Я вообще никогда не отличалась особенной сознательностью в плане выбора профессии, а на юридический пошла просто так, потому что а почему бы и

нет? Тем более взяли на бюджет. Родители не были в восторге, но и против тоже не были. Мне, конечно, тогда пришлось прослушать типичное “сейчас, все юристы, ты же работу не найдёшь”. В итоге я по привычке крепко прижала пятую точку к старому, засиженному не одним поколением студентов, которые берут свои дипломы только благодаря третьей точке опоры, стулу публичной библиотеки, получила свой диплом, а потом через несколько лет ещё и решила диссертацию написать, потому что, а почему бы и нет? Как известно, аппетит приходит во время еды, и годам к тридцати я окончательно уверила себя, что хочу быть судьёй, а между тем некоторое (довольно продолжительное) время назад я временно устроилась юрисконсультантом, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Тут я уже пять лет и, кажется, что меня тряпкой не выгнать из моего маленького кабинета, насквозь пропахшего моими духами и бесконечно работающей оргтехникой. Я тут уже превратилась в окаменелость, выходя только для того, чтобы дойти до туалета, налить кофе, дойти до Виктора или раз в пятилетку спуститься на производство, которое без конца стучало. Вите, кстати, надо предложить идею, чтобы он у себя в приемной повесил табло, как в “Сбербанке” с номерками, а то сидишь там полдня, а говорят, что через пять минут освободится. Но моё любимое было другое! Иногда думаешь “о, шесть часов, пойду-ка домой!”, и тут раздаётся звонок по внутренней линии: “Лариса, зайди ко мне на минутку”. И что вы думаете?

В такие дни я ухожу домой в лучшем случае после девяти часов. Витя очень любит поговорить, он знает, что его манера говорить усыпляет людей своей монотонностью и интонациями. До определённого момента, когда ещё нужно было действительно внимательно что-то слушать, я сидела, изо всех сил разинув глаза, а потом, когда речь шла про поставщиков, заказчиков, субподрядчиков, детей, секретаршу Таню, я позволяла себе внутренне уснуть, лишь иногда кивая и соглашаясь непонятно с чем.

А вот и он, вишенка, нарисовался – не сотрёшь. Виктор Александрович зашёл около полудня, когда я уже мысленно заказывала хияши вакаме с ореховым соусом и “Филадельфию”, и от желания оттянуть волокиту с СРО, дочитывала договор, который прислал Стас, вставляя на полях “ворда” свои комментарии. А если повезёт, то и бокальчик торронтеса¹⁰ закажу ещё. Он у них водится, правда стоит как-то вообще неприлично.

– Лариса?

– Витя?

Генеральный директор, мой непосредственный начальник и владелец всего этого ООО, тоже, как и весь его бизнес, отличался крайне ограниченной ответственностью, поэтому на моё высказанное неудовольствие о кружке на договоре, он лишь пожал плечами с таким видом, словно он тут хозяин и куда хочет, туда и заходит. Он, конечно, хозяин, но я продол-

¹⁰ Это сорт винограда такой.

жала настаивать на том, что было бы неплохо воздержаться от посещения моего кабинета в то время, пока я покоряю олимпы юридических наук, пусть и неуспешно. Или хотя бы позвонить мне предварительно. Хотя кто меня слушать-то будет? Барин решил, барин сделал. Извольте челом бить.

Барину было слегка за пятьдесят, знали мы друг друга миллион лет со времён, когда он недолго читал у нас в университете курс коммерческого права, обращались друг к другу очень панибратски, когда оставались один на один, ругались матом, пьянствовали алкоголь и ходили с контрреволюционным запахом. Витя – человек без возраста, живущий в холодильнике, хотя последнее время я стала подозревать, что не только там, а ещё у косметолога, ибо его добродушные пушистые бровки раз в полгода, а то и чаще, падали на нос и отказывались поддаваться его и без того небогатой мимике. Думаю, это связано с тем, что он обзавелся юной любовницей и очень не хотел выглядеть совсем уж стариком рядом с ней. Объяснить ему, что ей вообще всё равно, как он выглядит, я не бралась, потому что девица была в статусе богини. А между тем, если посмотреть на неё непредвзято, то даже и думать не надо, что вместо веселого и самовлюблённого Виктора, она видит просто кошелёк на ножках. Дорогой кожаный кошелёк, который пахнет, как итальянский мафиози почивающий на заслуженных лаврах. Видит она этот кошелёк из окна, купленного им для неё “Лексуса”. Мне всегда очень хотелось сказать: “Витя, ядрёна вошь, не траться ты

на инъекции, ей всё равно, как ты выглядишь”. Но, думаю, что ослепленный любовью дяденька, решил бы, что я имею в виду то, что она любит его любимым. Конечно. Любимым. Жизнь вообще краше из окна “Лексуса”. Всё сразу становится красивее и лучше.

Вся контора прекрасно знала, что директор спит с какой-то кралей, пока дома его законная жена растит его детей в количестве трёх штук. Мальчик, мальчик и мальчик. Один уже совсем, правда, взрослый и живёт своей жизнью, но за папин счёт. Хотя законной супруге тоже не на что жаловаться – у неё свой “Лексус”. Так что товарищ устроился хорошо, дай бог ему здоровья на всё. Можешь содержать двоих – бери двоих.

А вообще Виктор зашёл, чтобы сообщить мне, что сегодня вечером он планирует взять меня с собой на переговоры с заказчиком, чтобы я стала своеобразным буфером, смягчающим конфликт, возникший между двумя крупными компаниями, в котором Виктор оказался заложником халатности наших поставщиков, которые что-то там утопили в цинке, из-за чего на объект долго не подвозились материалы, из-за чего возникла просрочка по двум этапам строительства, из-за чего владелец компании-заказчика мог позволить себе истерические вопли ранним воскресным утром в трубку сонному Виктору, из-за чего тот тоже негодовал и в свою очередь вопил на поставщиков и на руководителя проекта, мне же в свою очередь история передавалась так, словно я доктор

Фрейд и спрашиваю его, а хочет ли он поговорить об этом. Короче вся эта типичная история стала обрастать типичными проблемами. Моя роль сводилась к тому, чтобы своим видом успокаивать клиента и своими репликами помогать Виктору, когда из своего из без того небогатого словарного запаса он мог выбрать исключительно неприемлемые речевые конструкции, которые не сулили ничего, кроме усугубления конфликта. Заказчику, то есть генеральному подрядчику, нужно лишь было объяснить, что мы нашли другого субподрядчика, и что мы не при делах во всей этой истории с утопленными в цинке деталями. Не мы их топили, не нам их спасать.

– Слушай, Витя, из меня сегодня так себе помощник.

– Я понимаю. Но, пойми и ты, что если мы сегодня не решим этот вопрос, то тебе придется ходить по судам, потому что этот мудака за каждую пеню будет грызться.

– Так сдача же ещё не скоро...

– Тебе трудно что ли?

В голосе начальника проклюнулась интонация хозяина, нанимателя и рабовладельца, которому было всё равно, что вечером после работы в пятницу у меня у самой могут быть планы. По сути они заключались в том, чтобы продолжать убиваться по незащищённой диссертации, про которую он даже не спросил, хотя прекрасно знал, что защита, точнее незащита, была вчера. Пришлось кивнуть и согласиться. Хоть шампусика нальют, если повезёт.

– А где встреча?

– В “Рэдиссоне”.

Точно нальют. Надо идти.

Когда в три часа с вороватым видом в кабинет прокрался Стас, я уже приняла для себя все самые важные на свете решения. По крайней мере, мне так казалось. Мы так и не сходили на обед, каждый в силу своих обстоятельств.

– Захлопни дверь, – скомандовала я, ставя финальный ро-счерк на листе А4, посередине которого одиноким пятном перед текстом из двух строк красовалось слово “заявление”. “Прошу уволить меня по собственному желанию с занимаемой должности юрисконсульта тра-та-та...”

Стас поставил на стол маленькую бутылочку “Чиваса” и поднял на меня глаза тут же, бросив лишь один взгляд в сторону документа.

– Не-е-ет, – протянул он с недоверием, словно отказываясь верить своим глазам. – Серьёзно?! Ты с ума сошла что ли? А Виктор Александрович в курсе? Да ты не расстраивайся так из-за диссертации! Подумаешь... С кем не бывает. Помню, у меня батя...

Я лишь жестом показала ему “ни слова больше” и достала два олд-фэшна и шоколадку из ящика на замочке. Второй жест красноречиво говорил, чтобы коллега наливал. Мы молча чокнулись и выпили залпом то небольшое, что было в бокалах. У меня на глаза навернулись слёзы, Стас, зажав нос,

сидел, зажмурившись пару секунд, а потом надломленным голосом выдавил:

– Ну, рассказывай, какого хрена.

Я помотала головой, ломая шоколадку, не снимая с нее обёртки.

– Понимаешь, если я сейчас отсюда не уйду и не начну работать в том направлении, которое мне нужно, то так я тут и останусь на веки вечные, буду читать типовые договоры, буду бегать по встречам с Виктором Александровичем, чтобы на него не орали. И с СРО ещё этим возиться опять до корейской пасхи. Надоело. Из года в год одно и то же. И Виктор всё ходит, сам не знает чего хочет... магнолия... говно ли я... Мне нужно к чему-то двигаться! – Вырисовывая указательным пальцем спиральки в воздухе, я дала знак, чтобы Стас наливал ещё. – Понимаешь?

Он неуверенно кивнул, закрывая бутылку. Мы снова сделали по глотку, на этот раз маленькому. Я положила в рот кубик шоколада.

– “Спасибо” всё равно никто не скажет.

– Можно подумать, у нас хоть кому-то хоть раз говорили “спасибо”. Такая ты странная, будто первый день работаешь. И когда ты собираешься его оповестить?

– А вот сейчас мы с тобой допьём, я и пойду.

– То есть ты сейчас накатишь как следует и пойдёшь? Тебе не кажется, что это, ну, не самая хорошая идея?

– Нормально. Хуже уже всё равно не будет. Вот, смотри,

что мне тут притащили, – я потрясла перед носом Стаса толстенным договором. – Опять договор длиною в жизнь и куча условий со всех сторон, все хотят где-то друг друга на... это... надуть.

– ...потому что ты кроме себя ни о ком больше не думаешь!

Именно это прилетело мне в спину, когда я уже закрывала за собой дверь Витинового кабинета. Танина голова выпрыгнула над столом и с немым ужасом посмотрела на меня.

– Все под контролем! – заверила я голову и пошла в свой кабинет.

Ну и ладно. Зато теперь я свободна. Скандал получился настолько фееричным, что я могла уже прямо сейчас забрать трудовую, выгрести все свои бумажки и книги из стола и пойти домой, никогда больше не возвращаясь в эту шарашку. Как в кино – сложу все в ящик, в котором среди прочего будет лежать рамка с семейным фото и цветок. Правда, ни рамки, ни цветка у меня нет. И сразу как-то отпала необходимость бегать с СРО. И на встречу ехать не нужно. Значит, и шампанского за счёт компании мне сегодня не видать. Конфликт начался очень просто – в тайне, в глубине души я надеялась, что Витя начнёт меня уговаривать остаться, чтобы моё чувство собственной важности и хоть какой-то необходимости было немного потешено, чтобы он такой “да остава-а-айся”, а я такая “да нет, мне нужно двигаться вперёд”

и так далее. Вместо этого он тут же написал “Согласовано”, поставил свою загогулину и давай на меня орать, что я его подставляю, что где он сейчас возьмёт юриста, сказал, чтобы глаза его меня больше не видели.

Конечно, тут есть и свои минусы – зарплата, например, бонусы, но что поделать. К счастью у меня есть муж, который готов кормить и поить меня, пока я буду начинать идти к цели заново. Или лучше сказать – с другого края, потому что не бывает такой комнаты, в которую ведёт только одна дверь. Это я сама себе вбила в голову, что в судьи начну идти только после диссертации, но ведь это было просто для того, чтобы оттянуть время. Теперь дороги назад нет. На вещи надо смотреть со здоровой долей оптимизма. Никогда не бывает так плохо, чтобы не было ещё хуже. Нужно радоваться сегодняшнему дню, потому что завтра будет хуже.

На часах уже девять, а Саша так и не пришёл. Прочитал моё сообщение о том, что я уже дома, но ничего не ответил. Он последнее время так занят и замотан, что отвечает мне очень редко и скупо. В тишине вечерней квартиры только раздавалось мое клацанье по клавиатуре ноутбука. Я сидела с кружкой кофе перед компьютером и шерстила hh.ru в поисках чего-нибудь стоящего. К этому моменту я уже собрала практически всю необходимую мне информацию и находилась в приподнятом настроении, готовая покорять вершины

и переходить рубиконы¹¹.

А ведь не так страшен чёрт, как его малюют. Уволиться оказалось проще, чем я думала, а ощущение грядущих перемен слегка перебило ощущение собственной никчёмности и глупости. Скоро вернётся муж, мы нальём чай, и я всё ему расскажу, как было. Мне вообще очень повезло с мужем, потому что он понимает всё, не лезет в душу, поддерживает любые мои начинания и не пытается меня поменять. Спокойный, верный, сильный, умный. Что ещё нужно?

– Лариса, я думаю, что нам нужно развестись.

Приехали. На этой фразе у меня не хватило сил ни на что, кроме вопросительно поднятых бровей. Ещё несколько секунд я смотрела на Сашу и не могла понять, то ли я что-то не так услышала, то ли это не мой муж, то ли говорит он на суахили, и моим скудным мозгам неподвластно понять его утверждение. И ведь это даже не вопрос. По крайней по интонации, это точно не вопрос.

Я поставила на стол локоть, а на ладонь положила подбородок в ожидании того, что этот человек начнёт изъясняться на понятном мне языке. Как говорится, повисло молчание. Если бы кто-нибудь сейчас меня ударил сзади по голове, но не так, как на защите, а по-настоящему, то я так бы и

¹¹ Даже не знаю нужно ли объяснять выражение “перейти Рубикон”. Вот, к примеру, Витя его не знал, а между тем “перейти Рубикон” значит быть готовым к решительным поступкам и действиям. Там ещё Цезарь фигурирует, но это уже не так важно.

осталась с этим идиотским выражением лица до конца своих дней. Так мама мне говорила в детстве, чтобы я не корчила рожи. Я опустила руку на стол, не отводя глаз, глядя на мужчину, который с утра ещё был вполне себе моим мужем. А до этого ещё тринадцать лет.

А в чём, собственно, проблема? У нас, конечно, секс не каждый день, но он есть и он нормальный. Я бы даже сказала, что хороший. Я вроде бы за собой ухаживаю, жиром не обросла, халата у меня нет, бельё красивое. Мы вроде бы даже время вместе проводим. Или проводили?

И тут я понимаю, что за последние полгода мы отдалились настолько друг от друга из-за моей диссертации, из-за бесконечного торчания в офисе до самой ночи, что я уже и забыла, когда мы куда-то вместе ходили и ездили. Его тоже не было дома постоянно, но я не замечала этого, потому что была с головой либо в подготовке к защите, либо в работе. Но ведь он сам мне говорил, что всё нормально. Я же спрашивала! Я же не бесчувственная! Не было никаких претензий, никаких обвинений, ни одного неприятного разговора. Ведь, согласитесь, когда что-то не так, нормальный человек скажет, а не придет сразу с разводом. Да, он приходил домой только ночевать, но ведь мы и фильмы смотрели перед сном и обсуждали всякие новости, делились мыслями, впечатлениями. Вот же... Вот совсем недавно. Пару дней назад ещё. Мне вот что интересно. Он же прекрасно знает, в каком состоянии я нахожусь после не-защиты, он не мог что

ли немного подождать и повременить с разводом? Или Саша решил, что хуже уже некуда, и я слишком деморализована для того, чтобы сопротивляться.

– Приехали.

Это всё, что я смогла из себя выдавить.

– Понимаешь... – начал было он что-то говорить.

– Нет, не понимаю. И давно ты подумал?

Саша сделал глубокий вдох, чтобы, видимо, успокоиться и настроиться на долгий и неприятный разговор, но вот мне совсем не хотелось об этом говорить.

– Чемодан под кроватью, вещи помочь собрать?

– Лариса...

– Что “Лариса”?! – вдруг взорвалась я. – Ты хочешь поговорить об этом? Я лично не хочу. Развестись, так развестись. – Я взяла себя в руки. – Ты мог бы хоть как-то меня до поставить в известность, что ты чем-то недоволен.

– Дело не в тебе...

– Замечательно. “Дело не в тебе, дело во мне” – передразнила я фразу, которую обычно говорят женщины, заканчивая отношения. – Давай сейчас поплачем дружно, какой ты несчастный! Вот прямо сейчас сядем и начнём реветь. Мне всё равно, как ты пришел к такому решению. И мне вообще до фени, в ком тут дело. Ты просто собираешь вещи и уходишь. Квартиру эту мы покупали вместе, так что подыщи себе новое место. Это не я решила с тобой разводиться. А ты со мной.

– Ларис...

– Я в курсе, как меня зовут, не надо напомнить. Я пока что в своём уме. А, может, твоя новая баба тебя к себе не возьмёт? Или ты нашёл какую-то деревенскую, которая думала, что ты её к себе поселишь?

– При чем здесь это? Я не собираюсь делить квартиру. Я просто хотел объясниться, почему...

– А какая разница, Саш? Ты думаешь, мне очень сильно интересно? Сегодня ты собираешь вещи. В понедельник, скажем, часов в... – я глянула на часы, – 10 утра встречаемся в загсе.

Мне очень хотелось добавить, что на работу мне не нужно теперь, но потом подумала, что это будет слишком большая радость для него.

– Нам всё равно нужно поговорить, даже если ты не хочешь.

Он подошёл к столу и сел напротив.

– Нам? Может, тебе надо? Мне лично не надо, мне и так всё понятно. Развод так развод. Или ты думаешь, что я горю желанием узнать, чем я тебя не устраиваю?

Саша молча встал и, судя по звукам, стал действительно собирать свои вещи. Ладно хоть за квартиру не судиться. Наверное...

– Тебе помочь? – крикнула я пустоту, наливая себе кофе с молоком. – Ну, нет так нет. Моё дело – предложить...

Эти слова я уже сказала самой себе. Вот так беда не при-

ходит одна. Теперь я безработная разведёнка с проваленной диссертацией и отсутствием средств к существованию, кроме своего выходного пособия, которое, кстати, я ещё, конечно же, в глаза не видела. Я пила кофе и поражалась своему равнодушию. Нормально ли это? Нет, ну а что я могу сделать? Не уговаривать же его остаться и одуматься. Вот серьёзно, подумайте сами. Что даст этот разговор? Ну, наорём мы друг на друга, и что? Я просто не могу себе представить даже возможность того, что мне придётся с ним потом спать после всего этого. Одно дело, если бы я об этом не знала, меньше знаешь – крепче спишь, а так... нетушки.

Саша ушёл почти молча. Почти, потому что он предусмотрительно оповестил меня о том, что придет ещё забирать вещи, поэтому ключ свой останется при нём. Дверь закрылась, я услышала как уехал лифт, сделала глоток кофе, хлопнула железная дверь подъезда, и я, уже в третий раз за день, рухнула лицом на руки. Внутри всё разрывалось от обиды, отчаяния, жалости и ненависти к себе.

– Да твою ж мать!..

Я выкрикнула эти слова в воздух и снова уронила голову, едва не опрокинув кружку со всем её содержимым на себя, стол и ковёр.

Мне всегда хотелось быть, как Скарлетт¹². Наверное, всем женщинам этого очень хочется. Чтобы платья красивые, корсеты, талия осиная, и про проблемы можно подумать завтра.

¹² Которая О'Хара из романа Маргарет Митчелл "Унесённые ветром".

Но, так как я не отличалась такой поразительной жизнестойкостью и увёртливостью от камней жизни, я начала судорожно *думать*. Думать в таких случаях – это большое зло, но я не могла удержаться.

Мне тридцать три, я без работы, без пяти минут в разводе, поэтому я не придумала ничего нового – открыла телефон и написала подруге. Если исключить отчаяние, сквозящее через весь набор имодзи и вокабуляр матроса, который я использовала в своем сообщении (а между собой в закрытых пространствах в нас обеих всегда воскресал тот самый матрос), то смысл сводился к тому, что всё очень плохо, и я не знаю, как быть. Очень умно. Меня бросил муж меньше получаса назад, а я только и придумала, что свалить свои проблемы на единственного самого близкого человека. По крайней мере я могу быть уверена, что теперь думать об этом буду не я одна. Ну, а что такого? Когда с ней происходят какие-то неприятности, я тоже становлюсь автоматически выездным, хотя иногда и на дому принимаю, психологом и психиатром, если понадобится, потому что связи среди знакомых фармацевтов давно стали для меня частью жизни, когда нужно было успокоиться, а сил на это своих не было. Преимущество меня в качестве психолога было неоспоримо – я всегда сначала уверяла Полину, что она одна самая прекрасная и лучшая, а когда бдительность подруги была стратегически притуплена, я могла вводить в нашу беседу критические замечания и возможные способы решения проблемы, которые вый-

дут за рамки совместного нитья. Теперь такой человек срочно нужен был мне самой.

Полина появилась во втором часу ночи. Она молча сняла летний плащ, скинула туфли и оказалась передо мной в пижамных шортах и майке. Протянула мне пакет, в котором нежно и призывно побрякивали три бутылки (я заглянула) сухого белого вина. Хозяйским жестом она вытащила из кладовки тапочки с синими меховыми помпошками, которые негласно принадлежали ей. В гробовом молчании Полина вошла в кухню, достала из шкафа два бокала, открутила крышку “рислинга”, достала из морозильника лёд, залила его вином. В каждом жесте была уверенность заправского любителя белого вина и частого гостя в этой квартире. Я лишь молча сопровождала её взглядом. Она протянула мне бокал, не чокаясь, мы сделали по большому глотку за мой упокоившийся брак, и только потом, когда Полина уселась на стул, с которого только недавно встал Саша, она спросила, глядя на моё искривленное негодованием и злобой лицо:

– Вот скажи мне, женщина, почему у тебя всё вечно через жопу?

– Потому что у меня кризис. *Экзистенциальный*...

3. Суббота

– Лучше бы я вчера умерла... Воды-ы-ы...

Полина зашла в кухню, держась за голову и стену, наливая воду в стакан. А потом ещё один. Её чёрные волосы бы-

ли раскиданы по плечам, спине, рукам, прилипая к сгибам локтей. Она пила, отлепляла волосы и откровенно страдала.

– Лучше бы я вчера умерла, – ответила я ей и стала заваривать кофе. – А ещё лучше в среду.

Медленно, чтобы не беспокоить голову, я передвигалась по кухне и собирала нехитрый завтрак. Полина не отличалась кофейной привередливостью, поэтому спокойно пила растворимый кофе с сахаром и грызла сушки с маком.

Я забралась на стул с ногами, натянула домашний свитер на колени, на них же поставила чашку с кофе, удерживая две сушки на мизинце. Полина сидела на стуле по-турецки и продолжала страдать, кидая на меня мученические похмельные взгляды.

– Мне нужен аспирин, – прохрипела она.

– Возьми в шкафу. Где специи стоят, там коробочка из-под “Ферреро Роше”. В коробочке таблетки.

– Поднимите мне веки... – Она с изяществом медведя слезла со стула и пошла искать спасительный аспирин.

Из открытого окна раздавался гул субботнего оживлённого движения на дороге. Ночное совещание после завтрака перешло в дневное. За прошедшие двенадцать часов мы пришли к неутешительным результатам и не вселяющим надежды итогам. Так как я не Кэрри и уж никак никак не Саманта¹³, то шанс снова хоть как-то выстроить личную жизнь

¹³ Кэрри и Саманта – известные почти всем лицам женского пола героини сериала “Секс в большом городе”. Лично я смотрела несколько эпизодов, не впе-

неумолимо стремится к нулю, хотя есть надежда, потому что детей у меня ещё нет. Поэтому было решено пока что не думать о личной жизни, а думать о работе, потому что у меня тут не “Ешь, молись, люби”¹⁴, а суровая реальность, где мне на что-то нужно жить. На первое время было решено не покидать университет, а продолжать читать лекции у бакалавров в следующем учебном году. На эти деньги, конечно, не разгуляешься, но это лучше, чем вообще ничего, и при этом дает некоторую свободу в выборе более оплачиваемого рабочего места. Мы застопорились на моей идее быть судьёй, ведь я именно потому и уволилась, чтобы начать искать варианты. После ещё получаса в интернете и “Консультанте” мы составили некоторое подобие бизнес-плана на ближайшие полгода, в который входило преимущественно ежедневное отслеживание освобождающихся мест, подача заявления на сдачу квалификационного экзамена и, само собой, подготовка к этому экзамену. Когда мы всё это расписали, то перспективы стали не такими уж ужасающими, какими казались спустя несколько часов после того, как муж с фейерверками и “Прощанием славянки” отчалил из нашей тихой семейной гавани. В понедельник я позвоню своему научному руководителю и спрошу ещё и у него совета, потому что всё-таки возраст и опыт должны в нём породить идеи.

чатлилась, но помню только те, где Саманта покупала себе накладные соски, а у Шарлотты был любовник с перверсией.

¹⁴ Книга Элизабет Гилберти одноименный фильм с Джулией Робертс. Книгу не читала, фильм смотрела. Не впечатлилась.

Когда за Полиной закрылась дверь, а я вернулась на стул на кухне, то состояние некоторой зарождающейся надежды отправилось, наверное, туда же, куда и Саша. Я впала в горестное состояние молчаливого и мрачного уныния. Мы были женаты почти тринадцать лет. За эти тринадцать лет мы общими усилиями купили эту квартиру, сделали в ней вполне приличный ремонт, заполнили книгами книжный шкаф от пола до потолка, в котором я прочитала абсолютно всё. Вопрос о ребёнке у нас вообще никогда не поднимался. Наверное, сначала оба ждали, что купим квартиру, потом сделаем её пригодной для жизни, потом хотелось попутешествовать, защитить диссертацию, а Саша уже одной ягодичной мышцей занимал кресло заместителя генерального директора, старательно выжимая оттуда престарелого мужчину номенклатурного типа, которого держали на этой должности лишь из уважения, потому что толку от него уже лет пять как не было никакого. Все как-то вообще шло нормальным таким чередом. Да, мы оба не горели желанием стать родителями сразу же, потому что у меня были некоторые профессиональные амбиции, которые настойчиво требовали от меня их реализации как можно скорее. Саша тоже активно занимался работой, получил второе высшее. Не могу сказать, что я жалею, скорее наоборот. В данной ситуации я очень рада, что ребёнка у нас нет, и развод пройдёт быстро. Нас, конечно, заставят думать целый месяц, но раз уж мавр сде-

лал своё дело, то мавр может уходить¹⁵. Никого возвращать я не собираюсь. Если там кому-то хочется чьи-то обноски, то, пожалуйста, пусть забирают. Отдам в добрые руки.

И как только эта мысль появилась у меня в голове, я с прозрением осознала, что уже давно не любила этого человека, что та страсть, которая нас свела в годы студенчества, уже давно прошла, что жили мы скорее по инерции, по привычке, и только я одна не подозревала, что систему можно сломать и начать жить нормально. И если ещё вчера провал на защите казался самой большой неудачей в жизни, то теперь, думаю, ушедший муж – куда хуже. И ведь он явно не ушёл в никуда, потому что мужчины обычно в никуда не уходят, они уходят к кому-то. А вот если бы он ушёл в никуда, просто так от меня, то это значило бы, что я настолько плоха, что от меня просто сбегают. Сам по себе факт остаться одной меня не пугал, даже несмотря на то, что я никогда в жизни не жила одна и о самостоятельной жизни без плеча имею лишь теоретическое представление.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на своё не самое красивое отражение. Ну, ладно. Допустим, если исключить из внимания то, что я провела бессонную ночь с подружкой и тремя бутылками вина, то... Как там?.. Сотри случайные черты...¹⁶

¹⁵ Если вы не читали Шиллера, то тут нужно пояснить. Фраза из пьесы «Заговор Фиеско в Генуе» (действие 3, явление 4). Если вы не знаете, кто такой Шиллер, то я уже даже не знаю, что и сказать.

¹⁶ И если теоретически я ещё могу простить незнание Шиллера, то незнание Блока – непростительно, потому что поэму “Возмездие” проходят в школах. Пол-

У меня был преподаватель, который очень любил цитировать эти строки, а мне всегда думалось, что такое жизнерадостное отношение и желание стирать случайные черты – это прерогатива клинических оптимистов, у которых всё всегда хорошо, даже когда всё так плохо, что хуже некуда. Я даже ему эту мысль озвучивала. Он не соглашался. Если я сотру все случайные черты из своей жизни, то в ней не останется ничего, кроме “родилась” и “умерла”. Пока что не умерла, то есть всё ещё хуже, чем могло бы быть. По крайней мере умереть – это уже хоть какой-то выход. В какой-то степени аутентичное решение экзистенциальной проблемы. Только дурак может быть оптимистом. Нужно быть либо полным идиотом, либо юродивым, чтобы закрывать глаза на всё вокруг или интерпретировать это как-то положительно.

Вся жизнь – один сплошной шум и случайные черты.

А не осталось ли у меня там часом ещё винишка?

Не осталось. Ну, ладно.

Я вернулась к зеркалу, сняла с себя всю одежду, расчесалась, пошла в ванную, ещё раз умылась, натянула тот же свитер, заварила два пакетика термоядерного чёрного чая, которые чуть позже водрузила на веки.

Это ощущение родом из детства. Когда я была маленькая, у меня часто что-то случалось с глазами, они то ли гноились, то ли что это было, я не помню, но на утро я не могла разлепить ресницы. Тогда мама протирала мне веки и рес-

ная фраза звучит так: “Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен”.

ницы пакетиками чёрного чая, который вкусно пах завтраком, ароматной горечью, а редкие капельки щекотно стекали к ушам. Когда мне было лет восемнадцать, мама посоветовала мне таким способом снимать отёки после прорёванной по несчастной любви ночи. Кстати, этот прагматичный акт, который символизировал собой преодоление тоски в пользу более приглядной внешности, наверное, и положил конец слезам по мальчикам. А то ходить ещё потом с опухшими глазами. Накрасишь ресницы, а тушь вся на веках остается, потому что будто осы покусали.

Я вытерла глаза бумажным полотенцем и вернулась в зеркалу. Как-то раньше мне этот способ казался более действенным... Хотя, если покрутить головой в разные стороны и посмотреть на себя под другим углом, то стало лучше. А если посмотреть со спины, так вообще красота. Сняв снова свитер, я стала разглядывать своё тело на предмет привлекательности, если таковая ещё осталась. К моему собственному удивлению я заметила, что моя тощая фигура все же имеет кое-какие формы, и выглядит она почти со всех углов неплохо. А если сравнить с бывшими одноклассницами, которые уже по три раза успели родить и развестись, так вообще красота. То есть в принципе, если поднакидать несколько “если”, то со мной ещё не всё так плохо.

Я никогда не отличалась особенным отношением к своему телу, потому что оно остановилась в развитии лет в шестнадцать и дальше отказывалось деформироваться под влия-

нием гормонов. Сначала меня это расстраивало, потому что на мне не сидели красивые платья для женщин с нормальной фигурой: если они были идеальными в талии, то были узкими в бёдрах и пузырились в груди. А потом я подумала, приняла это всё как данность и перестала переживать. Лет до тридцати точно мне стабильно давали не больше семнадцати-восемнадцати, время от времени студентки, которые не знали, что я преподаватель, даже пытались со мной флиртовать у автомата с кофе. На диетах я никогда не сидела, но и тортами не объедалась. Не из соображений здорового образа жизни, к нему я не имею никакого отношения, а просто потому что торты я не люблю, как и сладкое вообще. Я в целом к еде отношусь спокойно-прохладно. Есть, что съесть – слава богам, нет – что-нибудь найдём. Для себя я ненавижу готовить, а для других люблю. Я могу весь день питаться кофе с молоком и парой-тройкой бутербродов с сыром. Хотя какое это теперь имеет значение? Можно взять и лёгким движением руки выкинуть все мои приспособления для готовки. Мне и микроволновки с чайником хватит. Моя жизнь состояла из скудного, но обязательного, завтрака, если повезёт, то и обеда в рабочее время, а если не повезёт, то бутерброд с заправки вполне заменял обед, ужин ограничивался, если появлялся, каким-то кусочком чего-то съедобного из холодильника и парой бокальчиков вина.

К вечеру я нашла себя в очень жидком состоянии на диване перед телевизором, в котором кто-то усиленно ругался по

поводу Украины, Америки, России, у всех было очень важное мнение и все почему-то считали, что нам, простым телезрителям, очень важно это мнение знать. А почему все орут-то? Неужели нельзя спокойно разговаривать? Один, второй, один, второй... Как нормальные люди. И ведущий тоже какой-то псих-одиночка... Все чего-то спорят, как будто это что-то может изменить.

Я влила в себя последний глоток остывшего кофе и, вспомнив, что за день я не съела ничего кроме пары сухек с маком и нескольких чашек кофе с молоком, решительно настроилась что-нибудь приготовить. Решительность оставила меня, когда я открыла холодильник и поняла, что мне *действительно* нужно что-то готовить. После проверки остальных шкафов и всех выдвижных ящиков, оказалось, что и стратегические запасы всякой консервированной бурды тоже исчерпаны.

Через полтора часа мальчик из доставки принёс мне “Филадельфию” и хияши вакаме с ореховым соусом, которые я так и не поела вчера, хотя очень сильно хотелось. Не смотри так на меня, мальчик, хотелось мне сказать, не будет у тебя сегодня фильма от Brazzers¹⁷, иди работай дальше. Не приглашу я тебя скрасить мой унылый вечер.

Тем временем по телевизору по другому каналу шёл какой-то сериал, где кто-то куда-то бежал, и кто-то в кого-то стрелял. Прощёлкав пультом, я оставила Animal Planet, и

¹⁷ Это порностудия. Больше мне нечего сказать.

вилкой начала ковырять роллы. Я вообще не понимаю людей, которые дома в одиночестве едят роллы палочками. Смысл? Не надо только говорить, что так удобно, мы же не японцы. К чему вообще всё это... Это как есть бургер или пиццу ножом и вилкой. Зато пасту в ресторане все жрут с такой утонченной медлительностью и не умеют пользоваться приборами, что в итоге какая-нибудь карбонара становится уставшими макаронами с жирным остывшим соусом и желобразным яйцом. В соседнем ресторане подают “Оливье”. Вопрос: зачем? Люди, вы что себе “Оливье” не можете дома нарезать? Он вам вообще ещё не надоел? А ещё меня всегда веселило, как важные дяденьки на переговорах заказывают эспresso (И это ещё хорошо, если не “экспresso”, а чего вы смеётесь? Всё так и есть.) и потом с важным видом пьют абсолютно умерший кофе, который медленно и мучительно испускал дух сначала на баре, потом на подносе официанта, а потом они сами его пили с такой скоростью, будто это как минимум 18-летний “Макаллан”. Пацаны! У вас столько денег, вы что в Италии не бывали? Зато, когда кто-нибудь говорит “чабатта”¹⁸, они закатывают глаза до самых мозгов и с усталостью учителя, который одно и то же повторяет изо дня в день, выдавливают: “Правильно – “чабатта”!” Зато все как один збóнят. И все у них красивее. Еще меня в кататонический ступор вводит слово “пробывал”. Видимо,

¹⁸ Это такой итальянский батон. Ну, ладно, если вы питерские, то назовём это булкой.

они его получают через проверочное “бывать”. Где бывали, так и пробывали. Хотя, скорее всего, они его получают от слов “я пропустил всю среднюю школу”. А как они -тся/-ться пишут? Как бог пошлёт, так и пишут. Цирк уродов. Корпорация монстров.

За всё то время, пока мне приходилось водиться с этими кошелечковыми упырями, я, как Эрик Картман¹⁹, многое поняла. Например, очень важно поддерживать имидж. Надо, чтобы все, кто нужно, знали, что ты ведёшь такой-то образ жизни, у тебя такая-то машина, такой-то отпуск и такие-то увлечения. Это очень важно, потому что это говорит о многом. Вот начальник Полины, что сделал, когда у него доход вырос неожиданно? Правильно! Купил себе “Порше” и модненько постригся. Почему? Потому что так надо. И совсем не важно, что он потом ещё год лапу сосал, расплачиваясь за свою новую игрушку, важно, что на встречу он приезжает вот на такой модной машинке. Прыг из неё со своим маленьким ростиком и маленькими ножками топ-топ-топ важная колбаска пошёл “на встречу”. От выражений “у меня встреча”, “я поехал на встречу”, “я перезвоню, я на встрече” пахнет какой-нибудь одеревенелой пастой в итальянском ресторане или грустным эспрессо. Все сидят, каждый свой “айпад” открыл и с очень важными лицами (важные же колбаски все) эти ребята без конца и края что-то “пилят” и тыкают пальчиками в свои *.awg или *.pdf. А тем временем денежка

¹⁹ Герой мультсериала “Южный парк” (“South Park”)

кап-кап-кап. Казалось бы, а как она будет капать, пока эти колбаски лясы точат с важным видом и цедают эспрессо? А потому что в офисе сидят миньоны и усиленно выжимают всё возможное из своих весьма ограниченных ресурсов, потому что остальные ресурсы ушли начальнику на “Кайен”. Но начальник, он же очень важная колбаска, он просит сделать невозможное, иначе не видать тебе отпуска, как своих ушей.

Я помнила всех их жён и любовниц, и им совсем не было стыдно приезжать куда-то неформально, но в корпоративном кругу с любовницами, а потом на выходных попадаться мне на глаза в каком-нибудь суши-баре с женой и детьми. Сегодня он мачо и охотник, а завтра он примерный муж и отец-молодец, который находится под строгим контролем. Под строгим контролем все его “лайки” и комментарии, все “лайки” под его фотографиями и комментарии от всех особей с юзернеймами типа koshechka94 или koshe4ka87. А если начнёт в инстаграме, ВКонтакте или фейсбуке писать миленькие комментарии под фотографиями собственной жены – это повод призадуматься. А не купил ли он розовый “айфон” кому-нибудь другому? Ведь только недавно он его выбирал в офисе, это видел даже сисадмин Вася, а секретарь Маша его получала от курьера, а жена Марфа на фотографиях почему-то с “самсунгом” фотографирует свои телеса в какой-нибудь примерочной в каком-нибудь очень классном магазине. Не сходится что-то. Вообще у меня всегда был

только один вопрос ко всем этим людям – зачем вам социальные сети? Вы что, позвонить не можете? Или в каком-нибудь мессенджере что-нибудь написать. А всё почему? Потому что начальник – важная колбаска, и все должны знать, как он любит свою жену, как он с ней съездил на Мальдивы, какой он ей купил “Лексус” и себе “Кайен”. А если у него нет аккаунтов в соцсетях, то его благоверная позаботится о том, чтобы все знали, как они счастливы, успешны, созданы друг для друга и вообще у них не жизнь, а праздник каждый день. В это время koshechka94 за закрытыми дверями приватности выкладывает фотографии своих ногтей или букета цветов, коробки с тем самым розовым “айфоном” или очередным колечком в его машине. Ярмарка тщеславия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.